
В.Н.Тарасевич, д-р экон. наук
Национальная металлургическая академия Украины

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ: ОТ ИНСТИНКТОВ К ПРОТОИНСТИТУТАМ

В статье представлены результаты исследований ранних этапов институциональной эволюции и некоторые связанные с этим выводы для современной практики институтообразования.

Дальнейшая разработка выдвинутых ранее гипотез¹ – о жизнедеятельности как субстанции и среде институтообразования; о принципиальном соответствии архитектоники институтов архитектонике жизнедеятельности; об институциональной деятельности и институтах как ее непосредственных результатах, способах и механизмах упорядочения жизнедеятельности; об институте как порядке, средоточии инстинктивной, протоинституциональной и собственно институциональной составляющих – предполагает обращение к Большой истории, прежде всего, к ее "человеческому" отрезку – истории возникновения и развития человеческого вида.

Поведение и инстинкты

Самое раннее ископаемое свидетельство об австралопитеках, первых членах семейства гоминид, датируется примерно 4 млн лет назад. Первое свидетельство о *homo habilis* – самом раннем виде рода *homo* – почти 3 млн лет назад. Появление вида с более крупным мозгом – *homo erectus* – регистрируется около 1,9 млн лет назад. Отношение между *homo erectus* и видом *homo sapiens* является предметом серьезных разногласий, но большинство точек зрения относятся к интервалу от 50 тыс. до 400 тыс. лет, а 250 тыс. лет являются разумным компромиссом.

Имеющиеся данные о численности популяции гоминид, а затем и мирового населения свидетельствуют, что человеческая история состоит из сотен тысяч лет относительной статики и всего 10 тыс. лет роста, причем его "львиная доля" сконцентрирована в последних нескольких веках. Иными словами, по-настоящему впечатляющий рост занимает всего лишь доли процента истории человеческого вида² и относится к периоду наиболее активной сознательной деятельности человека, преобразующего окружающую природу по своему разумению, "велению и хотению". Расцветшая в этот период пышная крона рукотворных институтов вряд ли познаваема сама из себя вне столь захватывающего исторического фона. Вероятно, она питается из мощных

¹ См.: Тарасевич В.Н. Институциональная теория: методологические поиски и гипотезы // Экономическая теория. – 2004. – № 2. – С. 48–60.

² См.: Кристиан Д. К обоснованию "Большой (Универсальной) истории" // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 140–141.

корней бессознательного, уходящих вглубь миллионов лет животного существования человека.

Хорошо известный факт обращения А.Смита, А.Маршалла, Дж.М.Кейнса, В.Парето, М.Фридмена, Ф.Хайека и других выдающихся ученых-экономистов для разработки своих преимущественно рациональных теорий к иррациональным по своей природе феноменам бессознательного, прежде всего инстинктам, может показаться парадоксальным лишь на первый взгляд. Чаще всего последние выступают в роли аксиом, исходных предпосылок и связующих блоков научного дискурса. Тому имеются вполне рациональные объяснения. Например. Инстинктивное поведение направлено на удовлетворение базовых, витальных потребностей живого существа. Экономическая же наука изучает в том числе и *способы* удовлетворения указанных *человеческих* потребностей, имея в виду, в первую очередь, производство соответствующих благ. Поэтому вполне логичны предположения о влиянии тысячелетиями эволюционировавшего инстинктивного поведения на осознанную человеческую деятельность, а тем более на человеческое поведение.

Однако проблема в том, *каково* на самом деле и *как* понимается это влияние. По мнению Ю.Ольсевича, экономисты, во-первых, как правило, произвольно интерпретируют человеческие инстинкты, выбирая из них только те, которые соответствуют определенной теоретической конструкции. Во-вторых, их обычно не интересует сложный социально-психологический "передаточно-преобразующий" механизм, трансформирующий исходные импульсы в реальные мотивации. Но можно ли по этому поводу предъявлять претензии экономической науке?³ На мой взгляд, лишь отчасти.

Во-первых, надежным препятствием произвольному выбору инстинктов может быть их стройная система – *универсумика* и/или *архитектоника*. Из песни слова не выбросишь. В этом случае любая избирательность требует серьезного обоснования, а произвольность становится знаком ненаучности. Но изучение и построение универсумики и архитектоники инстинктов является непосредственной задачей не экономической науки, а биологии, психологии, психофизиологии и других родственных им наук. Экономистам может быть хорошо известен *набор* инстинктов и их некоторые характеристики, но их внутренние механизмы и взаимосвязи являются профессиональной "тайной" не экономистов.

Во-вторых, упомянутый социально-психологический механизм не является собственно или узко экономическим. Может ли, к примеру, экономическая наука ответить на вопрос, как из инстинктивных реакций рождаются экономические интересы? Разумеется, нет, если будет опираться только на свой исследовательский потенциал. Поэтому экономическую науку можно упрекнуть не в том, что ею не решены задачи иных наук, а в недостаточно активном и результативном диалоге с иными отраслями человекознания, который бы не ограничивался механическим заимствованием, попытками проведения аналогий или взаимной адаптации идей и теорий, но стал бы *сущностно интегративным* и *поэтому* рождающим новое знание.

На мой взгляд, важный шаг вперед в этом направлении сделал Питирим Сорокин, изучая социологию революций. По его мнению, каждый револю-

³ См.: *Ольсевич Ю.* Социология Питирима Сорокина и экономические трансформации // Вопросы экономики. – 1999. – № 11. – С. 68.

ционный период неизменно распадается на две стадии, неразрывно связанные друг с другом: собственно революционную, разрушительную, и контрреволюционную – реакцию. Необходимыми составляющими всякого революционного взрыва являются: 1) растущее подавление базовых инстинктов; 2) их всеобщий характер; 3) неспособность групп порядка (государство, правительство) предотвратить распад.

Непосредственной же причиной (начало причинной цепочки теряется в вечности прошлого, а конец – в бесконечности будущего) всякой революции всегда было *увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения*, а также невозможность даже минимального их удовлетворения. Репрессия инстинктов – пищеварительного, собственнического, самосохранения, полового, свободы, самовыражения и других – приводит к попранию существующих социальных норм. К примеру, репрессированный пищеварительный инстинкт оказывает давление на те тормоза, которые удерживают человека от воровства, лжи и т. п. И тот, кто никогда не крал, становится вором и бандитом; кто всегда соблюдал закон, порывает с ним. Биологизированное человеческое поведение обрушивает существующий социальный порядок.

Первая стадия всякой глубинной революции не устраняет самого факта подавления, а, напротив, лишь усиливает его. Накапливается усталость людей, которые становятся все менее адаптивными к окружающей среде и взаимным отношениям. Требование безграничной свободы сменяется жадной жаждой порядка. Известный возврат к старому идеальному порядку не случаен, поскольку последний является продуктом многовекового приспособления человечества к среде обитания и индивидов друг к другу, и далеко не все его составляющие могут быть окончательно отброшены даже революцией⁴.

Предпринятая П.Сорокиным попытка *сопряжения* психофизических и социальных процессов в едином исследовании имеет общенаучное значение и чревата новыми вопросами и догадками. Если революция происходит вследствие устойчивого *подавления* базовых инстинктов, то что является причиной этого последнего? Вспомогательными условиями – слагаемыми революционного взрыва – П.Сорокин называет подавление у большинства людей их импульса к борьбе и соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта, потребности в свободе (в смысле свободы речи и действия или прочих неопределяемых манифестаций их врожденных наклонностей)⁵, иными словами, процессов *очеловечивания*, или *социализации человека*.

В революционные эпохи причины и следствия гораздо чаще меняются местами, чем в эпохи эволюционные. Но главные причины первых вызревают в недрах последних, когда социально-биологический баланс устойчив, а тот или иной социальный или общественный порядок доминирует над биологическим (животным) и отвечает потребностям его нормального отправления. Разумеется, подавление базовых инстинктов может быть вызвано природными катаклизмами (стихийные бедствия и катастрофы, резкие изменения климата и т. п.) и неспособностью общественного порядка к адекватному реагированию. Но важнее иное. Исторический процесс очеловечивания человека предполагает формирование и развитие все более социализиро-

⁴ См. подробнее: *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 268–294.

⁵ См.: Там же. – С. 273.

ванных условий, механизмов, форм и инструментов, то есть все более очеловеченного общественного порядка реализации его (человека) биологической природы.

Противоречие между уровнем реальных и потребных процессов очеловечивания, с одной стороны, и существующим порядком социализации биологического, в том числе инстинктов – с другой, обостряется всякий раз, когда формы его движения становятся все более неадекватными и изменения порядка все более запаздывают. Антагонизм как результат такого обострения и запаздывания порождает революцию и снимается ею. Вероятно, одной из более конкретных форм указанного противоречия является противоречие между институциональной архитектурой как важной составляющей общественного порядка и архитектурой психофизических образований – инстинктов, рефлексов, реакций и т. п. Очевидно активной доминантой соответствия сторон противоречия является институциональная архитектура, и именно она "ответственна" за революционный взрыв и хаос, если соответствующим образом не самореформируется.

П.Сорокин безусловно прав в том, что, во-первых, "реформы не должны попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам"; во-вторых, "тщательное научное исследование конкретных социальных условий должно предшествовать любой практической реализации их реформирования"; в-третьих, "каждый реконструктивный эксперимент вначале следует тестировать на малом социальном масштабе"; в-четвертых, "реформы должны проводиться в жизнь правовыми и конституционными средствами"⁶. Нетрудно заметить, что указанные императивы *эволюционного* реформирования выходят за рамки открытого П.Сорокиным феномена *революционного* воздействия репрессированных базовых инстинктов на существующий общественный порядок и его институты.

Поэтому с учетом вышеизложенного вполне правомерным является вывод о *всеобщем влиянии бессознательных психофизических образований человека на его социальную природу и общественный порядок*. Влияние всеобщее, поскольку 1) всевременно, то есть имеет место в эпохи эволюционные и революционные; 2) продуцируется указанными образованиями в любом, а не только в репрессированном состоянии; 3) относится к общественному порядку в целом и каждой его составляющей, к каждому человеку.

Определенным образом указанный вывод подтверждается генетикой поведения и ее сравнительно новым направлением – генетикой личности. Так, достоверно установлено, что преимущественно генами как биологическими носителями бессознательных психофизических образований и феноменов⁷ определяется множество психологических и интеллектуальных качеств человека, в том числе активность и пассивность, мнительность и тревожность, экстравертность и интровертность, самостоятельность и зависимость, альтруизм и эгоизм, агрессивность, сексуальность. В значительной мере генетически детерминируемые считаются и такие, казалось бы, социально обусловленные особенности человека, как отношение к смертной казни, политические предпочтения (консерватизм, либерализм и т. д.), музыкальные

⁶ См.: Там же. – С. 271.

⁷ Далее внимание акцентируется на инстинктах, которые являются ядром психофизических образований и феноменов.

вкусы (классическая, легкая или электронная музыка), предпочтительный вид отпуска, криминальное поведение. Доказано значительное генетическое влияние на различия между когнитивными особенностями взрослых индивидов.

На нынешнем уровне развития геномики можно говорить о генетической наследуемости поведенческого признака как о статистической характеристике какого-то свойства популяции, а не отдельного человека, что коррелирует с концепцией коллективного бессознательного К.Юнга. Существуют значительные генетические различия между социальными группами. Не исключено, что в ближайшем будущем будут установлены молекулярные особенности генов, приводящие к ярким поведенческим межэтническим различиям⁸.

Вышеизложенное свидетельствует о наличии особого *генного механизма* влияния психофизических образований человека на его социальную природу. Это означает, что успехи генной инженерии и расшифровка генома человека сулят большие возможности искусственного конструирования не только биологических, но и – посредством их – социальных характеристик человека. В поисках ответов на вопрос об оправданности подобных действий важно понять истоки и основания психофизических образований человека с тем, чтобы эксперименты с кроной не обернулись патологией или смертью корней человеческого существования.

Биологическая наука утверждает, что главными механизмами эволюции являются естественная (спонтанная) генетическая изменчивость и естественный отбор. В конечном итоге, именно им обязаны своим появлением гоминиды. Изменчивость возникает из-за того, что при передаче генетической информации из поколения в поколение в ДНК происходят случайные изменения (в частности, мутации, то есть изменения внутри генов, и рекомбинации, то есть перемещения целых генов или их частей). Те организмы, которые из-за случайных изменений в генах оказываются более приспособленными к среде, выживают и размножаются. А менее приспособленные постепенно исчезают с лица Земли⁹. Но почему происходят эти случайные изменения? Что является их субстанцией?

Живой организм так или иначе реагирует на внешние и внутренние раздражители, ведет себя пассивно или активно, но в любом случае либо адаптируется к окружающей среде и к себе самому, либо погибает. Тот или иной тип, характер реакций, являющийся оптимальным результатом миллионкратного их повторения в различных вариациях, в конечном итоге запечатлевается в генах как биологических носителей. Разумеется, возможны и их случайные модификации. Но они являются результатом не каких-то потусторонних сил, а реального многообразия поведенческих актов организма. Следовательно, *инстинкты только потому упорядочивают собственно поведение, что являются его (поведения) имманентным историческим результатом и составляющей*. Собственно поведение является инстинктивным потому, что инстинкты суть поведенческие образования, результат эволюции и самоорганизации поведения. По понятным причинам экономистам трудно судить о *содержании и структуре* инстинктивного упорядочения.

⁸ См. подробнее: *Вельков В.* Куда идет эволюция человечества? // Человек. – 2003. – № 2. – С. – 16–26.

⁹ См.: Там же. – С. 16.

Можно лишь предположить, что оно не могло не выполнять функции ограничения, сохранения, канализации, регламентации и трансляции.

Всеобщее влияние психофизических образований человека на общественный порядок означает также всеобщность влияния архитектуры инстинктов на институциональную универсумику и архитектонику. И то и другое является историческим следствием *всеобщего влияния поведения на деятельность*. Разумеется, современные реалии и богатый исторический материал свидетельствуют как раз о сложном *взаимовлиянии* поведения и деятельности. Это бесспорно. Иначе жизнедеятельность человека просто невозможна. Но на данном уровне исследования оснований институтообразования важна констатация, во-первых, исторической первичности и доминантности поведения и инстинктов по отношению к деятельности и институтам. В революционные эпохи указанные первичность и доминантность могут проявляться *непосредственно*, в эволюционные эпохи – либо опосредованно, либо пребывать в латентном состоянии.

Во-вторых, *содержание и характер* влияния поведения на деятельность пока остаются не постигнутыми. Мы можем лишь в первом приближении судить о них, опираясь на эмпирически очевидную корреляцию *результатов поведения и деятельности*¹⁰ – соответственно ряда инстинктов и институтов. Разумеется, не все очевидное является сущностно верным. Тем не менее некоторые результаты простейшего эмпирического анализа схематично представлены на рис. 1¹¹.

Устойчивая *положительная* корреляция (на рис.1 она обозначена жирной линией) существует между инстинктами и институтами соответственно: самосохранения и безопасности, здравоохранения (в широком смысле); продолжения рода и брака; собственнического, выражающегося, в частности, в борьбе за жизненную территорию, и собственности; свободы, самовыражения (особенно у приматов) и свободы, неприкосновенности; состязательности и конкуренции; игры и игр, развлечений; сострадания и социальной защиты, благотворительности. Вполне вероятно, что в данном случае институты исторически "надстраиваются" над инстинктами, соответствующим образом социализируя и упорядочивая.

Отрицательная корреляция (на рис. 1 она обозначена тонкой линией) характерна для соответствующих пар инстинктов и институтов: охотничьего и охраны флоры и фауны; агрессии и ненасилия (например, согласно христианским заповедям). Видимо, в таком характере связи находит выражение существенное ограничение, подавление и сублимация институтами инстинктов.

Смешанно коррелятивна связь (на рис. 1 она обозначена пунктиром) между инстинктами и институтами – пищеварительным и питания, материального производства; сотрудничества и коллектива, социальной группы; подражания и обучения, образования; стадного и коллектива. На мой взгляд, в процессе более углубленного анализа смешанная корреляция может быть

¹⁰ Вероятно, взаимовлияние поведения и деятельности может выражаться во взаимовлиянии не только их результатов, но и средств, процессов, условий, механизмов, форм и инструментов.

¹¹ На рис. 1 представлены как сами институты (брака, собственности, конкуренции), так и различные непосредственно видимые сферы жизнедеятельности, которые они предположительно упорядочивают (материальное производство, здравоохранение, коллектив и т. д.).

Рис. 1. Эмпирическая корреляция между инстинктами и институтами

обнаружена во взаимосвязях большинства соответствующих инстинктов и институтов, в том числе с доминирующей положительной или отрицательной корреляцией. Например, институты обучения и образования в известном смысле противоположны инстинкту подражания, поскольку предполагают воспитание творческих, нестандартно мыслящих и действующих людей. В то же время принцип "делай, как я" остается в арсенале учителей, а подражание по-прежнему является достаточно эффективным пропедевтическим приемом.

Безусловно реальны и более *сложные комбинации* инстинктов и институтов. Например, инстинкт продолжения рода коррелирует с институтами безопасности, здравоохранения, брака, обучения и образования, собственности, а инстинкты сотрудничества и стадный – с институтами коллективов и социальных групп. Разумеется, вышеизложенным богатство институтов, их связей и комбинаций с инстинктами далеко не исчерпывается. Тем более интересной представляется проблема их оснований.

Таким образом, предыстория и 99/100 истории человечества не может считаться преимущественно качественно статичной. Собственно поведение продуцирует инстинкты и другие бессознательные психофизические образования, становится их своеобразным "вместилищем", а потому и упорядочивается ими. Можно предположить, что поскольку психофизические образования человека исторически предшествуют общественному порядку, постольку они оказывают на него всеобщее влияние. Следовательно, архитектура инстинктов так же исторически предшествует и оказывает подобное влияние на институциональную универсумику и архитектуру. Это подтверждается: непосредственно – открытиями "социальных" свойств генов, косвенно – эмпирически установленной корреляцией инстинктов и некоторых институтов. Если предположить, что институты – результат деятельности, то субстанцией и основанием указанного всеобщего влияния является воздействие поведения на деятельность. Хотя характер последнего на данном уровне анализа остается не постигнутым, вполне правомерными представляются выводы о необходимости исторически все более социализированных форм и механизмов деятельности реализации собственно поведения; о сопряженной с ней адекватности институциональной универсумики и архитектуры архитектоники инстинктов с учетом известных пределов сублимации и недопустимости репрессии последних; о непредсказуемых поведенческих и деятельностных последствиях *произвольного* вмешательства в геном человека и необходимости формирования соответствующих упорядочивающих институтов.

Протожизнедеятельность и протоинституты

От своего непосредственного предка – не человека – человека отделяют миллионы лет мучительного рождения. Достоверных свидетельств сего беспрецедентного перехода несравнимо мало для его бесспорной и доказательной реконструкции. Но в человеке современном он запечатлен навечно и, определенным образом проявляясь, влияет на человеческие судьбы. Каким образом? Чтобы ответить, нужно попытаться понять характер и содержание указанного перехода, в том числе в контексте оснований институтообразования, влияния инстинктов на институты.

Как известно, в начале четвертичного периода в результате резкого похолодания и аридизации обширных зон планеты значительно уменьшилась площадь тропических лесов и привычной кормовой территории для многих

видов животных. В обострившейся конкуренции за ресурсы выживания австралопитеки оказались менее приспособленными к лесной жизни, чем человекообразные обезьяны, и были вытеснены в саванну¹². Таков, по признанию большинства ученых, "первотолчок" антропосоциогенеза. С этим трудно спорить. Природные изменения в очередной раз катализировали естественный процесс усложнения форм жизни и открыли новый канал ее эволюции. Но эта "случайная" бифуркация не смогла бы стать реальностью, если бы не была подготовлена всей предшествующей эволюцией.

В период длительной древесной жизни кениапитеков, а затем австралопитеков, и соответствующего ей поведения у них существенно развились ориентировочно-исследовательские функции, тонкая дифференциация движений передних лап, кистей, пальцев, цветное стереоскопическое зрение, способности на глаз оценивать расстояние, координировать движения всего тела и т. п.¹³. Произошло существенное усложнение инстинктов и их системы. Тем не менее в новых условиях они оказались менее адаптированными, чем человекообразные обезьяны.

Будучи вытесненными в саванну, австралопитеки не вымерли, поскольку их поведение и система инстинктов продемонстрировали значительную эластичность к необходимым изменениям в иной среде. На мой взгляд, проявившаяся таким образом *закономерность большей эластичности к изменениям менее адаптированных субстанций и феноменов* характерна и для процесса институтообразования. В частности, в переломные эпохи ресурсы институциональной архитектуры могут быть недостаточны для выживания соответствующего общественного порядка, и решающую роль в его судьбе могут сыграть "неархитектоничные" элементы институциональной универсумики.

В саванне естественный отбор еще более обострился. Усилившаяся поведенческая активность австралопитеков интенсифицировала *удлинение цепочек инстинктивных реакций, их самосборки и комбинации*. Сложные взаимодействия инстинктов самосохранения, пищеварительного, продолжения рода, а также стадного инстинкта, который весьма силен уже у обезьян и прегоминид, выступили в качестве катализаторов охотничьего инстинкта австралопитеков и их более тесного объединения в стада¹⁴. *Стадо* становится условием не столько размножения, как это было у обезьян, сколько выживания и экспансии, стихийно восполняя относительную слабость каждой отдельной особи. Чтобы выжить, предок человека должен был превратиться из преимущественно пассивного собирателя-вегетарианца в активного стадного охотника-хищника. Стадное поведение австралопитека и, прежде всего, *охота* придали антропосоциогенезу новый импульс.

В хорошо известных фактах использования камней, палок, костей скелета и других необработанных природных предметов, огня, примитивной организации загонной охоты на крупных зверей, устройства стоянок и жилищ, появления прямохождения, зародышей речи, роста объема мозга и т. д. следует видеть элементы *самоотрицания* естественного отбора и собственно поведения в *высшей* точке их развития в животном мире. И не только.

¹² См.: *Моисеев Н.Н.* Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. – 1999. – № 4. – С. 6.

¹³ См.: *Румянцев А.М.* Возникновение и развитие первобытного способа производства. Присваивающее хозяйство (политико-экономические очерки). – М., 1981. – С. 35.

¹⁴ См.: Там же. – С. 65.

Усложнение системы инстинктов и их взаимодействий достигает своего относительного предела, и дальнейший прогресс на основе существующей архитектоники инстинктов становится невозможным¹⁵. Указанные факты свидетельствуют о разрывах в инстинктивных цепочках и появлении в этих разрывах, а также на границах самих цепочек *элементов*, а затем и *цепочек целенаправленных действий*, то есть зародышей *преддеятельности*, обеспечивающих более быструю и эффективную адаптацию. Цепочки инстинктивных реакций, в том числе с "вкраплениями" цепочек целенаправленных действий представляют собой *метаповедение* как переходную реальность между собственно поведением проточеловека и человеческим поведением. Интегрируя собственно поведение как относительно самостоятельную составляющую, метаповедение вместе с постепенно обретающей относительно самостоятельный статус преддеятельностью формирует *протожизнедеятельность*.

Протожизнедеятельность становится предпосылкой, условием и основанием постепенной трансформации стада в протосоциальную общность – кровнородственную общину. В ней безусловно доминирует бессознательное, в которое вплетаются (вероятно, в начале гетерофобически, симбиотически, а затем и коэволюционно) зародыши сознательного. Жесткие инстинктивные реакции вначале дополняются, а затем постепенно вытесняются способностями австралопитеков строить все более удлиняющиеся цепочки целенаправленных действий, то есть решать достаточно сложные ситуативные задачи, изобретая новые способы и порядок протоопредмечивающих и проточеловечивающих действий, адекватные новым условиям.

Это означает, что варианты указанных способов, порядка действий, например, оборудования стоянки, *предварительно* возникают в нервном субстрате, а сами реальные действия осуществляются в соответствии с выбранным порядком или способом. Наиболее приемлемые и эффективные из них становятся привычными *стереотипами, образцами* или *паттернами*. Последние уже не исчезают бесследно с завершением действия, как это было на стадии гетерофобии бессознательным зародышем сознательного. Если общность или особь сталкивается с однотипными задачами, то решение не вырабатывается каждый раз заново, а "включается" как готовое. Сформированный ранее и закрепленный практическим опытом паттерн "консервируется" в нервном субстрате до востребования и, по сути, становится зародышем сущностной человеческой силы. Таким образом, носитель, "вместилец" "копилки" паттернов, остается прежним, обычным и для инстинктов – нервная ткань¹⁶, но сами паттерны, хотя первоначально и встраиваются в цепочку инстинктивных реакций, уже не являются собственно инстинктами.

Как продукты преддеятельности паттерны известным образом направляют, регулируют, задают параметры организации, одним словом, *упорядочивают* ее и в этом смысле являются простейшими *прединститутами*, вернее, одной из их разновидностей. Результатом метаповедения выступают *метаинстинкты*, объединяющие собственно инстинкты и инстинкты с инкорпорированными в них паттернами. Взаимодействующие в процессе протожиз-

¹⁵ Не исключено, что отдельные инстинкты продолжают усложняться, в том числе под влиянием целенаправленных действий, а также в порядке компенсации ослабления других инстинктов.

¹⁶ См. подробнее: *Шалютин Б.С.* Общество произошло от обезьяны. Проблемы начала и "верхней границы" антропосоциогенеза // Человек. – 2003. – № 3. – С. 12, 14.

недеятельности прединституты и метаинстинкты образуют *протоинституты* и практически сливаются в них.

В отличие от инстинктов, прединституты и протоинституты как тотальность не закрепляются генетически, но изначально транслируются от особи к особи, от общности к общности, от поколения к поколению (генерационно) посредством нервной ткани. Субстратизируясь в нервной системе одного организма, они могут восприниматься и субстратизироваться в нервной системе другого организма. Вероятно, важная роль в подобной трансляции принадлежит зарождающемуся *подсознательному*.

Как известно, последнее возникает и существует в столкновении сознательного и бессознательного. Элементарные сознательные действия, доводимые многократным повторением до автоматизма, закрепляются в подсознании и, даже будучи неактуальными и не востребуемыми, сохраняются в нем (чтобы при необходимости осуществляться посредством в том числе механизмов бессознательного), а также транслируются посредством *подражания* и элементов обучения. Это означает, что у предков человека, которые остаются биологически теми же животными, впервые в истории возникает и прогрессирует устойчивый надындивидуальный адаптационный механизм, не имеющий генетического закрепления¹⁷ и опирающийся не на инстинкты, а на прединституты и протоинституты. Вероятно, он является одним из конституирующих признаков протосоциальной общности, результатом протожизнедеятельной логики ее развития. Разумеется, результат этот многолик и не единственен.

Обозначенному выше характеру протожизнедеятельности как единства доминирующего бессознательного и прогрессирующих элементов сознательного и подсознательного начал соответствуют ее вполне определенные содержательные характеристики и рождающиеся при их участии различные протоинституты. Протожизнедеятельность не рефлексивна, а в первые десятки тысяч лет своего существования спорадична и не системна. Ее условием и предметом является исключительно *естественная*, а не искусственная *природа*. Основным рабочим органом проточеловека является рука. Примитивные орудия труда создаются из предметов природы с помощью предметов природы (первые наскальные рисунки также выполнялись с помощью природных предметов), играют вспомогательную роль, а их изготовление, вероятно, доступно каждому члену общины. Ясно, что подобные орудия соответствуют начальным, полуживотным формам собирательства и охоты. Но рано или поздно естественное размножение требовало увеличения объемов пищевых ресурсов, освоения новых, в том числе менее "плодородных" кормовых территорий, а следовательно, новых, более эффективных способов собирательства и охоты. Связанные с этим усложнение и дифференциация орудий были бы невозможны без адекватного усложнения и дифференциации преддеятельности, когда ее различные процессы и результаты все теснее связываются с некоторыми отдельными членами общности, их способностями, сноровкой, умениями. Вероятно, на определенном этапе подобного процесса проторазделения преддеятельности происходит естественное поло-

¹⁷ См.: Там же. – С. 12.

возрастное разделение протожизнедеятельности¹⁸, появление фигур женщины-собираательницы и мужчины-охотника. На мой взгляд, указанные обстоятельства сыграли ключевую роль в подавлении инстинктами самосохранения, пищеварительным, продолжения рода и другими инстинктами агрессии по отношению к "соплеменникам" и утверждении важнейшего протоинститута – табу "не убий".

К.Лоренц установил существование "инстинкта волка" у млекопитающих, которых природа наделила смертоносным орудием: если волк проигрывает в боях за самку, он подставляет свою шею победителю. И тогда последний сохраняет ему жизнь, необходимую для популяции. У предка человека такого инстинкта быть не могло, и поэтому изобретенные примитивные орудия стали использоваться в "рыцарских" схватках и войнах с иными общностями за кормовую территорию. Гибли, разумеется, не самые сильные, а самые умелые, но менее сильные. Умение найти нужный камень, обработать и превратить в орудие требует совсем иных качеств, чем умение использовать орудие в драке. В естественном отборе на уровне популяций побеждали те общности, которые сохраняли своих умельцев и, благодаря этому, обладали лучшими орудиями, более дисциплинированными "боевыми порядками" и т. д.¹⁹ Вероятно, именно преддеятельность обнажила и серьезную опасность инцеста для выживания общности кровных родственников и стимулировала появление соответствующего табу.

Изначально в протосоциальную общность включались не только особи, но и *тотем* – священные животные и/или растения. Связь табу и тотема является первоосновой выработки правил межобщинного обмена женщинами для продолжения рода, спорадического и хаотического обмена дарами природы, различных "родственных" обменов с окружающей средой (например, жертвоприношений, санкционирующих охоту)²⁰, а также возникновения соответствующих *культов*. В контексте Большой истории *тотем – табу – культ* представляют важный *начальный* этап продолжающегося и поныне процесса ограничения и подавления институтами ненасилия инстинкта агрессии, институтами конкуренции – некоторых животных форм инстинкта состязательности, а более обобщенно – формирования институтов морали.

Протосоциальное подавление одних инстинктов сопровождается началами протосоциальной "канализации" иных. Так, "слитность" некоторых видов и операций преддеятельности с отдельными членами общности свидетельствует о том, что над собственническим инстинктом надстраиваются или на границах его цепочки появляются зародыши отношений собственности – личного и коллективного присвоения проточеловеческих сущностных сил: и опредмеченных в примитивных орудиях и рисунках, и запечатленных ("очеловеченных") в нервном субстрате.

¹⁸ Вероятно, известному крупному разделению труда предшествовала целая эпоха трансформации изначальной перемены протожизнедеятельности в свою противоположность.

¹⁹ См.: *Моисеев Н.Н.* Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. – 1999. – № 4. – С. 7; *Моисеев Н.Н.* Системная организация биосферы и концепция ко эволюции // Общественные науки и современность. – 2000. – № 2. – С. 126.

²⁰ См.: *Петров-Стромский В.Ф.* Три эстетики европейского искусства // Вопросы философии. – 2000. – № 10. – С. 157.

На мой взгляд, известное утверждение об изначальности исключительно общественной (коллективной) собственности в условиях первобытного коммунизма основано на ее неосознанном отождествлении со стадным собственническим инстинктом в отношении кормовой территории. Собственность – прежде всего *общественное* отношение, а потому предполагает определенный уровень индивидуального, *личностного* развития членов общины. В этом смысле эволюция собственности и эволюция человека взаимоположны, а процесс превращения проточеловека в человека является и процессом трансформации протособственности в собственность. Одним из свидетельств зарождения сущностных человеческих сил (СЧС) у проточеловека выступают вышеупомянутые цепочки целенаправленных действий и паттерны. Эти *преддательностные* СЧС так же, как и орудия труда, изначально становятся объектом и протоличного, и протоколлективного (благодаря механизму подражания) присвоения. Вполне правомерно предположение о соответствующем этапу невыделенности проточеловеческой особи из проточеловеческой общности господстве индивидуальной и коллективной протособственности на примитивные проточеловеческие сущностные силы, орудия преддательности и кормовую территорию, поскольку каждый член общности был в принципе способен на их примитивное присвоение в форме использования. Каждый был таким же "сособственником" этих объектов, как и любой другой.

С усложнением паттернов и орудий, их спонтанным и постепенным закреплением за отдельными членами общности и невозможностью такого же эффективного присвоения иными членами коррелирует вполне определенный уровень *личностного* развития последних и соответствующее этому уровню *личное присвоение*. Та группа сущностных сил и орудий, которая в силу своего примитивного содержания могла быть использована любым членом общности, оставалась объектом индивидуально-коллективного присвоения. Более сложные сущностные силы и орудия, конституирующие ту или иную первобытную *личность*, становились объектом личного и коллективного присвоения. Таким образом, тот или иной член общности мог быть одновременно субъектом индивидуального и личного присвоения.

В самом присвоении обнаруживаются некоторые структурные составляющие – весьма неопределенные прообразы современных правомочий собственности. Например, изготовителем примитивного орудия мог быть один из членов общности, пользователем – другой, а порядок использования орудия и распоряжения им и соответствующими продуктами (например, добычей) мог устанавливаться определенными протоинститутами и их наборами. На мой взгляд, в этом контексте феномен так называемой групповой собственности мужчин и женщин предстает как преимущественное *использование* мужчинами и женщинами общинных орудий охоты и собирательства соответственно.

Одновременно с СЧС и орудиями труда объектом протособственности становится земля, но уже как всеобщее средство и предмет протожизнедеятельности, а не просто как обычная кормовая территория. Вероятно, эволюционные линии указанных трех объектов собственности взаимоположны, что не исключает изначально возникающих особенностей их присвоения. Земля, безусловно, является *коллективной* протособственностью первобытной общины. Но каждый член последней в меру своей "человечности" – такой же сособственник земли, как и любой иной. Уравнительное распределение

собранных даров природы является одним из свидетельств зарождения индивидуальной собственности как неизбежной спутницы неразделенно коллективной. В последующие эпохи отношения присвоения земли усложняются, в чем-то повторяя эволюцию присвоения орудий труда.

Важным следствием и своеобразным "полем" протосоциального подавления и/или канализации инстинктов, их включения в метаинстинкты, симбиотического, коэволюционного или иного сочетания метаинстинктов и прединститутов стали такие базовые протоинституты, как табу, культ, ритуал, обряд, обычай, а позднее – традиция и привычки. В экстазах полуинстинктивного ритуала, обряда утверждаются две изначальные стороны сознательной жизнедеятельности: отказ от непосредственного удовлетворения животного вожделения (Ю.Бородай удачно назвал это аскезой) и переживание – представление абсолютной сверхъестественной ценности ритуальных, обрядовых *норм*, артикулируемых и осмысляемых как основной миф данной общности²¹.

Подоплека абсолютной ценности тех или иных конкретных протоинститутов и позднее рожденных ими моральных норм достаточно проста – будучи естественно и протосоциально отбираемыми из многих иных и "отшлифовываясь" тысячелетиями, они обеспечивали *выживание рода*, в том числе за счет смертей отдельных особей, а также поддержки уже "нетрудоспособных" как своих живых носителей. Например, *совесть*, понимаемая как личная ответственность индивида перед группой, с позиций филогенеза представляет собой продолжение и развитие на социально-психологическом уровне того биологического феномена, который на стадии формирования и в течение всей истории существования животного стада специфическим образом стимулировал индивидуальные действия особи в пользу всей популяции²².

Таким образом, перефразируя М.Шелера, можно утверждать, что протоинституты как целостные образования не являются инстинктами и генетически не наследуются. В рассматриваемый исторический период их юности они не рефлексивны, не предполагают осознанных воспоминаний о прошлом и передачу в знаках и документах, то есть не обладают ключевыми характеристиками собственно институтов. Как противоречивое единство метаинстинктов и прединститутов они не присущи животным, но наличествуют у всех ближайших предков человека, посредством подражания и элементов обучения самовоспроизводятся и транслируются от поколения к поколению, обеспечивая преемственность антропосоциогенеза. Но уже в этот период протоинституциональное *общее* начинает существовать в *особом* и посредством его. Вытесненные в саванну австралопитеки, а затем их потомки стали постепенно расселяться не только в ней, но и далеко за ее пределами. Вмещающий ландшафт и климатические условия оказали определяющее влияние на естественные характеристики зарождающихся рас и этносов, способствовали формированию соответствующих особенностей их протожизнедеятельности и протоинститутов²³.

²¹ См.: Там же.

²² См.: *Грибак Л.П., Кордобовский О.С.* Совесть – эволюционно сложившийся вид автогенеза // *Человек*. – 2003. – № 4. – С. 41.

²³ Именно специфические традиции в обработке палеолитических орудий рассматриваются некоторыми учеными в качестве оснований для выделения первых этнических провинций. См.: *Плахов В.Д.* Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования. – М., 1982. – С. 169.

Очевидно, главным катализатором протоинституциональных изменений и зарождения протосоциального отбора явилась преддеятельность как противоречивое единство по крайней мере двух сторон. Одна из них "ответственна" за модификацию собственно поведения в метаповедение, ограничение и известное вытеснение инстинктов, их замещение прединститутами, но в рамках цепочки инстинктивных реакций. Вторая формирует собственно прединституты, не инкорпорируемые в указанные цепочки, а существующие относительно самостоятельно и упорядочивающие те зарождающиеся процессы протожизнедеятельности, над которыми инстинкты не властны. Таков, например, порядок действий по изготовлению примитивных орудий из природных предметов: олдувайского скребка – из гальки, охотничьего топора – из камня и т. п. Какую бы сторону протожизнедеятельности ни взять, любой ее акт является в не меньшей мере протоочеловечивающим, чем протоопредмечивающим. Создание не природных предметов из природных идет рука об руку с формированием не животных качеств в животном.

Разумеется, значение преддеятельности и протоинститутов в существовании австралопитека, а затем и кроманьонца нельзя преувеличивать, тем более – абсолютизировать. Это была эпоха абсолютного господства естественных законов и всего лишь первых шагов протообщественной жизни, в которой, как в мифе, все в одном. Изначальная тотальность, недифференцированность, единость последней задает непосредственно универсумный характер протоинститутов. Различаясь по уровню сложности, они, тем не менее, суть самоценные и равноценные элементы протоинституциональной универсумики (рис. 2), которая выполняет такие базовые функции упорядочения, как запрещающая, ограничивающая, разрешающая, оптимизирующая, регламентирующая и транслирующая. В различных особых условиях универсумика модифицируется в соответствующую протоинституциональную архитектонику. Так, содержание культов и ритуалов протосоциальных общностей, населяющих Африку и Азию, заметно различалось, хотя их основания оставались общими.

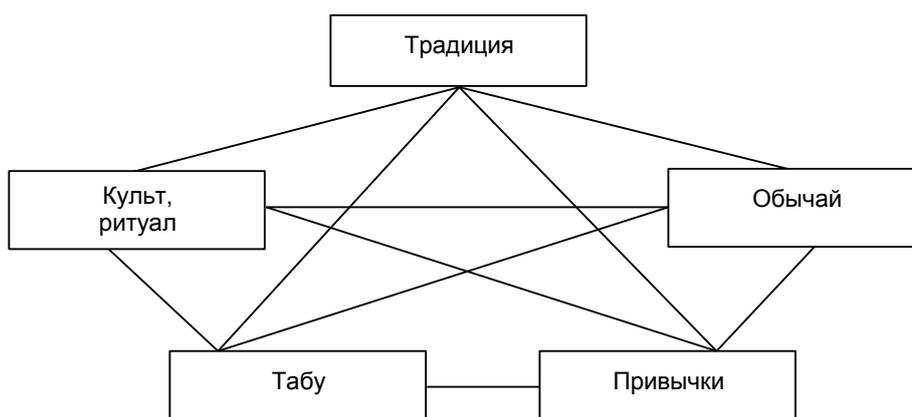

Рис. 2. Схема универсумики протоинститутов

Какова историческая роль протоинституциональной универсумики и архитектоники? На мой взгляд, они обеспечивают единство проточеловечества, его идентичность в отношении человекообразных обезьян, преемственность

эволюции рода homo, несмотря на все особенности видов и протосоциальных общностей, являются важными истоками современных общечеловеческих ценностей, единения человека и природы. В революционные эпохи крушения формальных институтов протоинституциональная универсумика и архитектоника препятствуют необратимому срыву общества в тварное состояние, выполняя важную функцию обуздания животных инстинктов, охранения социального от биологического, трансляции социальных по своей природе деятельностных паттернов.

Протоинституты, таким образом, – не только сугубо исторический факт, но и современная реальность. Подобно инстинктам, они не уходят в небытие, а продолжают оказывать упорядочивающее влияние на жизнедеятельность. Вероятно, во всем богатстве взаимосвязей между собой и собственно институтами они формируют современную институциональную универсумику и архитектонику. Изначальная закреплённость протоинститутов посредством нервной ткани сохраняется (об их неизбежной дальнейшей эволюции и соответствующих модификациях речь пойдет в следующей статье). Следовательно, современный человек, как и его предок, является *непосредственным* носителем протоинститутов, а их генерационная трансляция возможна и необходима только в результате живого и не обязательно вербального контакта, ничем не опосредованной связи между людьми. В данном случае речь идет не только о воспитании детей дошкольного возраста, но о взаимоочеловечивании в широком смысле.

Очевидно, именно такому характеру связей адекватно *подражание*, при котором непосредственная трансляция протоинститутов обеспечивает преемственность собственных оснований человека и общества, предохраняет их от резких срывов идентичности. Вербальное же подражание, состоящее в некритическом копировании чужих протоинститутов, запечатленных не в нервном субстрате, а в искусственных носителях (право, закон), чревато образованием поверхностных формальных норм, неадекватных и даже антагонистичных реальным "своим", "почвенным" протоинститутам. Следовательно, опосредованный характер человеческих связей, в том числе опосредованная трансляция, требует более сложных механизмов и процедур, чем протоинституциональное подражание. Разумеется, последние являются не чьим-то открытием, а результатом *последующей* институциональной эволюции.